

Гурская Юлия Александровна

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ НА ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

В статье раскрываются особенности становления антропонимической формулы на полиэтнической территории Великого княжества Литовского. На материале деловой письменности XV-XVIII вв. выявляются типы антропонимических формул, формирующиеся под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов.

Уделяется внимание расширенным антропонимическим формулам как сложным социокультурным знакам, отражающим особенности организации общества и духовной культуры жителей полиэтнической территории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 53-56. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. **Замалетдинов Р. Р.** Теоретико-методологические предпосылки изучения языковой картины мира // Филология и культура. 2009. № 3. С. 134-142.
8. **Кадирова Э. Х.** Из наблюдений над лексикой Арабско-тюрко-татарского словаря XVI в. // В. В. Радлов и духовная культура тюркских народов: сборник трудов Интернет-конференции (Казань, 21 марта 2012 г.). Казань: Казанский университет, 2012. С. 93-97.
9. **Кузьмина Х. Х.** Лексика поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали. Казань: ДАС, 2001. 98 с.
10. **Кул Гали.** Кысса-и Йусуф. Казань: Тат. книж. изд-во, 1983. 543 с.
11. **Наджиб Э. Н.** Исследования по истории тюркских языков XI-XIV веков. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1989. 283 с.
12. **Нуриева Ф. Ш.** Формирование и функционирование тюрко-татарского литературного языка периода Золотой Орды: дисс. ... д. филол. н. Казань, 2004. 409 с.
13. **Нуриева Ф. Ш., Кузьмина Х. Х.** Жизнь и деятельность профессора Казанского университета Вахита Хозятовича Хакова // Филология и культура. 2013. № 33. С. 342-345.
14. **Средневековая татарская литература (VIII-XVIII вв.)** / сост. Ш. Ш. Абилов и др. Казань: Фэн, 1999. 240 с.
15. **Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / Төзүчеләре Ф. Ә. Ганиев һ.б.** Казан: «Матбугат йорты» нәшрияты, 2005. 848 б.
16. **Хисамов Н. Ш.** Поэма «Кыйсса-и Йусуф» Кул 'Али. Казань: Дом печати, 2004. 254 с.
17. **Хисамова Ф. М.** Туган тел һәм милләт язмышы // Tatarica. 2013. № 1. С. 28-34.
18. **Яковенко Е. Б.** Homo biblicus. Языковой образ человека в английских и немецких переводах Библии (опыт концептуального моделирования). М.: Эйдос, 2007. 288 с.
19. **Nurieva F. Sh.** Literary Language of the Golden Horde: Norms and Variations // Life Science Journal. 2014. Vol. 10 (11). P. 713-717.
20. **Yusupova A. S., Galiullina G. R., Denmukhametova E. N.** Representation of national mentality in Turkic-Tatar vocabulary // Life Science Journal. 2014. Vol. 11 (7). P. 506-508.

**THE NOTIONS ШАДЛЫК 'JOY' AND КАЙҒУ 'GRIEF' IN THE LANGUAGE
OF THE MEDIEVAL TURKIC MONUMENT BY QOL GHALI "QISSAI YOSIF (TALE OF YUSUF)" (1233)**

Gubaeva Margarita Anatol'evna
Kazan (Volga Region) Federal University
atamannajah@gmail.com

The article aims to describe the linguistic means of expressing the states of joy (шадлык) and grief (кайғу) in the Turkic-language medieval work by Qol Ghali "Qissai Yosif (Tale of Yusuf)" (1233). The peculiarities of representation of lexical units in the expression of the mentioned notions and their functioning in the text of the poem "Qissai Yosif (Tale of Yusuf)" are considered. The conducted research allows concluding that in the medieval Turkic-language society the notions *joy* and *grief* are inseparable and complementary.

Key words and phrases: medieval Turkic-language monuments; representation of lexical units; cognitive linguistics; joy - шадлык; grief - кайғу.

УДК 811.1

Филологические науки

В статье раскрываются особенности становления антропонимической формулы на полиэтнической территории Великого княжества Литовского. На материале деловой письменности XV-XVIII вв. выявляются типы антропонимических формул, формирующиеся под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. Уделяется внимание расширенным антропонимическим формулам как сложным социокультурным знакам, отражающим особенности организации общества и духовной культуры жителей полиэтнической территории.

Ключевые слова и фразы: антропоним; расширенная антропонимическая формула; социальный статус лица; апеллятивные конкретизаторы.

Гурская Юлия Александровна, к. филол. н., доцент
Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка
julia.gurskaja@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ
НА ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ©**

Становление антропонимической формулы, ее структура, компонентный состав рассматривались на материале различных языков в трудах Н. В. Бирилло, С. И. Зинина, С. М. Медведь, И. А. Королевой, Е. В. Литус, С. Н. Смольникова и др. Вместе с тем особенности становления формулы именованной на полиэтнической территории изучены еще недостаточно. Это относится и к исторической онимии белорусского ареала, который в XIII-XVIII вв. входил в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ), населенного разными народами

и этническими группами. Взаимодействие многих языков, этнических групп на территории одной страны, сложная сословная дифференциация социума находят отражение и в способах идентификации лица.

Цель статьи – исследование особенностей формирования антропонимической формулы белорусского ареала с учетом действия лингвистических и экстралингвистических факторов. Особое внимание уделяется развернутым формулам, представляющим собой «полное описательное именование лица, реализующее максимальную его идентификацию с учетом социальной принадлежности именной и конкретной исторической эпохи» [10, с. 36].

Материалом для исследования послужили памятники разных жанров официально-деловой письменности Великого княжества Литовского XV–XVII вв., а также метрические книги XVII–XVIII вв.

Формула именованного лица является сложным социокультурным знаком, формирование которого проходило во многом под влиянием этноязыковых и социально-экономических процессов. С середины XV в. в ВКЛ начинается процесс дифференциации сословий, окончательное оформление которого приходится на XVI в. [7, с. 114].

В расширенных антропонимических формулах выявляется социальный статус лица – «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [9, с. 3]. Индикация социального статуса отражена в формулах именованного лица на структурном, лексическом, словообразовательном и грамматическом уровнях.

На структурном уровне социальная дифференциация именованных лиц выявляется в количественном составе компонентов антропонимической формулы. В грамотах XV в. однолексемные антропонимы (личные имена или прозвища), антропонимы и апеллятивные конкретизаторы чаще всего употребляются по отношению к следующим социальным и этническим группам: 1) мещанам: *мещанину виленскому Санчелю* [12, с. 51]; 2) духовенству: *Павлу, дяку* [11, с. 23]; 3) слугам: *Мякало человек служебный, путный* [Там же, с. 31]; 4) членам семьи, сыновьям, братьям: *сыну его Федку* [12, с. 48]; 5) иноверцам: *жиду троцкому Моисею* [Там же, с. 86]; *татарину Азыку* [Там же, с. 65]. Патронимом в форме *Pluralia tantum* назывались представители одной семьи: *Хребтовичомъ всимъ; два Добаревича* [11, с. 55].

В отличие от данных групп населения представители высших социальных слоев при повторном упоминании в грамотах идентифицировались с помощью фамилий: *Сонеза; Нарбуту* [Там же, с. 21] и составных наименований: *князю Сонькгуику; пану Завиши* [Там же, с. 19, 67]; *дворанина ...Жабу* [12, с. 136].

Продуктивные до XV в. именованья одним антропонимом в XVI–XVII вв. сменяются структурами с двумя антропонимами. Наиболее частотными в памятниках XV – начала XVI в. являются двучленные структуры **имя + патроним (фамилия)** с суффиксами *-ич, -ович / -евич, -инич*, связанные с восточнославянской традицией именованья. Данный способ идентификации не имел социальных, этнических и территориальных ограничений, что обеспечивало его высокую продуктивность в белорусском ареале. Указанные форманты участвовали также в образовании фамилий литовского, татарского, еврейского происхождения: *Довбор Товтвович; Магмет Обдулич* [18, с. 76, 104]; *жид Городенский Мошко Докторович* [3, с. 20].

Важным компонентом в формулах именованья является топоним или оттопонимное образование, выраженное прилагательным. Адъектив, образованный от топонима, стоящий в препозиции, обычно обозначал место проживания или правления именованного: *наместник волковыишки, пан Ивашко Ильич* [11, с. 24]; *воевода троцкий, пан Радвил* [12, с. 24]. Более ранними являются аналитические структуры: *чоловек господарский з Горницы Хотен Лазарович* [2, с. 43].

Антропонимические формулы **имя + оттопонимное обозначение** составляют неоднородную с точки зрения социальных коннотаций группу. Фамилии с суффиксом *-ский* были типичными для князей и богатой шляхты, в то время как наименования на *-ец, -ин* – для представителей низших социальных слоев: *пану Ивашку Рогатинскому* [11, с. 43]; *подданного господарского Городенского Богдана Заполянина* [2, с. 359]; *Васку Бряну* [11, с. 36].

После Люблинской унии 1569 г. усиливается полонизация белорусских, литовских, немецких, татарских элит, что отражено в возрастании формул **имя + фамилия** с формантом *-ский / -цкий*. При этом фамилии на *-ский / -цкий* под влиянием моды на польские именованья образовывались не только от топонимов, но и на базе антропонимов и апеллятивов: *pan Abraham Smolski* [1, с. 424] < Исмаил: Измаил; *pan Józef Jotkowski* [Там же, с. 421], ср. лит. *Juodaitis, Juodėlis* < *juodas* ‘черный’; *Ян Шванский*, ср. нем. *schwan* ‘лебедь’ [4, с. 458].

Наименования на *-ский* отмечены также в особой группе двойных фамилий, которые просуществовали вплоть до XX века. Их продуктивность приходится на XVII–XVIII вв., когда «удлиненные» фамилии под влиянием польской культуры приобретают коннотации ‘достоиннее’, ‘древнее’, ‘престижнее’ [20, S. 74]; ср. в метриках: *Констанція урожденная изъ Волосовскихъ Святополкъ-Мирска* [17, д. 2, л. 507]; *дворянки Юлии Базылевны Гинтовъ-Дзевялтовской* [Там же, д. 50, л. 35].

Отмечаются двучленные формулы: **имя + прозвище**: *Федор Кошка*; **имя + имя**: *Петром Мицую < Миц: Дмитрий* [3, с. 27]. Особую группу составляют фамилии, образованные от геральдических названий, которые также являлись символом социального статуса: *Миколаи Шчит; Ян Сокерка* [2, с. 54, 338].

На лексическом уровне социальная дифференциация лиц осуществлялась с помощью апеллятивных конкретизаторов – наследственных титулов: *князь Юри Гольшаньский* [11, с. 21]. Для представителей привилегированного сословия в грамотах XV в. самым продуктивным типом именованья является структура: **пан + имя + фамилия (патроним)**: *пан Андрей Сакович* [Там же, с. 22–23].

В силу того, что в XVI–XVII вв. двухлексемные формулы охватывают практически все социальные группы, трехлексемные формулы **пан + имя + патроним + фамилия** становятся идентификатором социального статуса среди белорусской шляхты: *пан Илья Иванович Илинич* [Там же, с. 86]; *пан Василей Богданович Чиж* [18, с. 50].

Употребление трехчленных моделей связано также с омонимией патронимов и фамилий на *-ович / -евич / -ич*, что затрудняло идентификацию. Спорадически употреблялись четырехчленные структуры: *имя + имя + патроним + фамилия*: *пан Ян Литавор Богданович Хребтовича* [11, с. 70]; *имя + патроним + патроним + фамилия*: *Гринаша Гринковича Яцковича Кочановича... отец его Гринашко Яцкевич Кочан* [2, с. 216].

Показателем принадлежности к шляхетскому сословию была служба с земли, в силу чего с 1529 г. в качестве синонима к термину *шляхта* получает распространение лексема *земяне* (из польск. *ziemia* – ‘земля’) – «землевладельцы»: *земенином господарским Городенским Щастным Еесимонтовичом; дворяне – шляхтичи*, которые служили при дворе великого князя или короля: *дворанинь господарьский пань Дмитръ Яновичъ Сопежичъ* [3, с. 57, 371].

После введения в 1697 г. в делопроизводство польского языка употребление термина *шляхта* в документах возрастает. В метрических книгах XVII-XVIII вв., фиксирующих представителей католического вероисповедания, употребляются польские лексемы: *szlachta, szlachetni*; латинские: *Nobiles: Antoni Ginttow Nobilem* [16, д. 1197, л. 53]; *Michal Steckiewicz Barbara Eysymontow szlachta* [21, д. 129, л. 3].

Для обозначения жителей городов использовались номинации *мещане*; в метрических книгах на латинском языке – термин *civis*: *мещане ковенские Кзрикг Довкгиник, а Матей Дворчанин* [3, с. 2]. Именования крестьян и горожан в XV-XVI вв. содержат обычно в препозиции апеллятивы, указывающие на профессию, род занятий именуемого: *шиндельник господарский Чиж Юшкевич; колесник кролевой ее милости Микула Паутич; дегтяра Мокея Глебковича* [2, с. 5, 93].

Более поздней моделью является формула с инициальной позицией имени собственного и последующими характеризующими апеллятивами: *Петр Чешейко – войт а Матыс Пеский – бурмистр места Городенского* [Там же, с. 7].

На грамматическом уровне низкий социальный статус выражен с помощью наименований с инверсионным порядком компонентов, при котором в начале структуры стояло имя феодала в родительном падеже, а в конце – имя лица, не обладающего юридическими правами: *служебника пана Иванова Богдановича Воловича Лукаша* [Там же, с. 26]; *тивун пана Быстрыцкого Шимко Жвиркович* [3, с. 94].

На уровне словообразования выражением социального статуса с середины XVI до начала XVII в. служат эмоционально-оценочные формы личных имен, с помощью которых в актах деловой письменности идентифицируются все слои населения, кроме шляхты: *Станчик сотник; бояре господарьские Мисюта а Еско а Ивашко Радивиловичи служебника своего Сташка Болтромеевича; мещанина Мишка Оношковича* [2, с. 1, 13, 27, 78]. Употребление эмоционально-оценочных форм имен по отношению к боярам объясняется, вероятно, тем, что во второй половине XVI в. большая их часть вошла в шляхетское сословие, а те, кто не подтвердил право на землю, приписывались к людям «простого положения», ср.: *слуги и бояре их милости на име: Станислав Бията, Пронко Рекуть, Данило Мотер, Кондрат Лебедеко* [5, с. 29].

Вместе с тем щитные, панцирные слуги могли замещать полноправного шляхтича на военной службе, что повышало их статус и выражалось в преобладании полных официальных форм имен у простолюдинов: *ставил служебника своего на имя Станислава; ставила слугу Андрея* [13, с. 684, 691].

Татарские и еврейские антропонимы адаптировались также путем присоединения славянских (реже балтийских) эмоционально-оценочных суффиксов: *татарина Алька Адамовича; жида Мошка Хорошенького* [2, с. 9, 64].

Особый статус женщины в ВКЛ был детерминирован полом, социальным происхождением, местом в семье, а также семейным положением. Женщина была ограничена в социально-правовом отношении, что находит отражение в формулах именования, содержащих в своем составе патронимы с формантами – *овна / -евна, -инна, -енна, -анка / -янка*; а у замужних женщин – андронимы с суффиксами *-овая / евая, -иная, -ская / -цкая*: *бояриня господарьская Кзюголевская; наймитку ...Андрейкову Марюху; пани Олена Венславовна Авгуштыновая* [Там же, с. 357, 375, 443]; *Кахны Дудчанки; Оксимья Степановна Тишинна* [3, с. 269, 283]. Наименования представительниц татарских, еврейских родов отражают влияние славянской антропонимической системы: *Мустафина, татарка; жидовка Городенская Добруша Мархаева* [2, с. 9, 22].

Индикатором низкого социального статуса выступают наименования, в которых антропонимы отсутствуют. Данные структуры употреблялись для обозначения слуг, женщин, детей и представителей некоторых этносов: *наместника пана Николаева Кунцевича на цигана; свесть свою Величковую* [Там же, с. 41, 189]; *Барбара Богданова вдова выслала сына своего, лет недорослого детину; з Седелник в повете Волковыском слуга на мерине* [13, с. 684, 695].

Таким образом, в памятниках ВКЛ XV-XVIII вв. употреблялись в разной степени разветвленные структуры. Расширенные формулы именования выполняли не только функцию идентификации лица, но и отражали особенности организации общества, социальный статус человека, иерархию ценностей наших предков. На становление антропонимической формулы на полиэтнической территории оказывало влияние взаимодействие антропонимических систем разных языков.

Список литературы

1. **Акты, издаваемые Археографическою Виленскою комиссиею для разбора древних актов:** в 39-ти т. Вильна: Тип. А. К. Киркора, 1865-1915. Т. VII. 1874. 614 с.
2. **Акты, издаваемые Археографическою Виленскою комиссиею для разбора древних актов:** в 39-ти т. Вильна: Тип. А. К. Киркора, 1865-1915. Т. XVII. 1890. 560 с.
3. **Акты, издаваемые Археографическою Виленскою комиссиею для разбора древних актов:** в 39-ти т. Вильна: Тип. А. К. Киркора, 1865-1915. Т. XXI. 1894. 418 с.

4. **Акты, издаваемые Археографическою Виленскою комиссиею для разбора древних актов:** в 39-ти т. Вильна: Тип. А. К. Киркора, 1865-1915. Т. XXII. 1895. 471 с.
5. **Акты, издаваемые Археографическою Виленскою комиссиею для разбора древних актов:** в 39-ти т. Вильна: Тип. А. К. Киркора, 1865-1915. Т. XXXVI. 1910. 624 с.
6. **Бирилло Н. В.** Белорусская антропонимия: автореф. дисс. ... д. филол. н. Минск, 1969. 47 с.
7. **Довнар-Запольский М. В.** История Белоруссии. Минск: Беларусь, 2005. 680 с.
8. **Зинин С. И.** Структура русских антропонимов XVIII в. (на материале актовых книг г. Москвы) // Ономастика: сб. статей. М.: Наука, 1969. С. 79-83.
9. **Карасик В. И.** Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. пед. ин-т, 1991. 495 с.
10. **Королева И. А.** Деловая письменность как основной источник изучения антропонимической лексики (становление современной формулы фамилия, имя, отчество). М. – Смоленск: СГПУ, 2000. 158 с.
11. **Литовская метрика** / Ин-т истории Литвы. Вильнюс, 1998. Кн. 3 (1440-1498) / подгот. Э. Банионис. 162 с.
12. **Литовская метрика** / Ин-т истории Литвы. Вильнюс, 2004. Кн. 4 (1479-1491) / подгот. Э. Банионис. 285 с.
13. **Литовская Метрика:** отд. первый / Императ. археогр. комисс. Петроград, 1915. Ч. 3. 1378 с. (Русская историческая библиотека, т. XXXIII).
14. **Литус Е. В.** Специфические особенности антропонимической формулы в русско- и украиноязычных песнях казаков Кубани // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2014. № 9. С. 66-70.
15. **Медвідь С. М.** Еволюція антропонімних формул у слов'янських мовах: автореф. дисс. ... д. філол. н. Київ, 2000. 40 с.
16. **Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ).** Ф. 1781. Оп. 26.
17. **НИАБ.** Ф. 1781. Оп. 37.
18. **Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года** / падрыхт. А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч. Мінск: Бел. навука, 2003. 444 с.
19. **Смольников С. Н.** Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материале деловой письменности Русского Севера XVI-XVII вв.): дисс. ... к. филол. н. СПб.: СПбГУ, 2005. 426 с.
20. **Bystroń J. S.** Nazwiska polskie, Lwów; wyd. 2 uzupełnione. Lwów 1936, reprint. Warszawa, 1993. 300 S.
21. **Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas.** F. 604. Ap. 10.

THE PECULIARITIES OF FORMATION OF ANTHROPONYMIC FORMULA ON THE POLYETHNIC TERRITORY

Gurskaya Yuliya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Belarussian State Pedagogical University named after Maxim Tank
julia.gurskaja@mail.ru

In the article the peculiarities of formation of anthroponymic formula on the polyethnic territory of The Grand Duchy of Lithuania are revealed. By the material of business writing of the XV-XVIII centuries the types of anthroponymic formulae which are formed under the influence of linguistic and extralinguistic factors are identified. The author gives attention to the extended anthroponymic formulae as complicated socio-cultural signs which reflect the peculiarities of the society organization and the spiritual culture of the inhabitants of the polyethnic territory.

Key words and phrases: anthroponym; extended anthroponymic formula; social status of the person; appellative specifiers.

УДК 81'342.1

Филологические науки

В статье изложены результаты экспериментального исследования фонетической реализации сочетаний двух гоморганных взрывных звуков на стыках фонетических слов в современном русском языке. Проведенный эксперимент показал, что в рассмотренных позициях в результате действия правил коартикуляции образуется один взрывной согласный, имеющий, в зависимости от акцентной структуры фразы, смычку длительностью от 30 до 200 мс. Также в работе выделены акустические параметры, за счет которых сохраняется противопоставление взрывных согласных по признаку твердости-мягкости на стыках фонетических слов и на стыке ударного слова с энклитикой.

Ключевые слова и фразы: русский язык; фонетика; взрывные согласные; коартикуляция; геминаты; внешнее сандхи.

Дурягин Павел Васильевич

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
pavelustug@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЧЕТАНИЙ ГОМОРГАННЫХ ВЗРЫВНЫХ СОГЛАСНЫХ НА СТЫКАХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ©

В современном русском языке (далее – СРЯ) действует фонетическое правило, согласно которому шумные смычные согласные в позиции перед шумными смычными того же места образования объединяются, образуя взрывной или аффрикату, как правило, с продленной смычкой.